

Полина Колозариди, Лёня Юлдашев*

КАНОН ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЙ**

СООБЩЕСТВО БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ

Получено: 12.04.2022. Рецензировано: 07.05.2022. Принято: 30.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена тому, как понятие канона позволяет составить описание исследовательской области. Авторы обозначают проблему изучения исследовательских областей, studies, не являющихся классическими дисциплинами. Из-за междисциплинарного характера производимого знания в studies не формируется классика, то есть набор авторов и текстов, влияющий на развитие дискуссий и выбор направлений теоретических и практических изысканий. Для картографирования основных подходов и изучения интеллектуальных оснований предлагается понятие канона. Канон определяется как сочетание и взаимодействие ключевых авторских отношений в контексте организационных особенностей академических центров и университетов с текстами и понятиями, наиболее значимыми для исследовательской области. Канон дает возможность очертить границы междисциплинарной области, отличая ее от других и одновременно от дисциплин, которым она наследует. В дополнение к этому авторы задействуют арсенал традиционных подходов, используемых для описания исследовательских областей: социологии знания, самоописания области — и обращаются к способу осуществления исследований, принятое в той или иной сфере. Во второй части статьи предпринята реконструкция трех историй ученых, значимых для интернет-исследований, прояснен характер дискуссий, в которых они участвовали, и показано, как формировался канон в интернет-исследованиях. Утверждается, что теоретические ресурсы, примененные авторами, определяют направления дальнейших разработок в интернет-исследованиях. Анализ канонических подходов позволяет, таким образом, отделить интернет-исследования от смежных областей, таких как digital humanities или цифровая экономика. Канон оказывается своего рода инфраструктурой, направляющей исследователей интернета к одним сюжетам и усложняющей обращение к другим.

Ключевые слова: канон, классика, интернет-исследования, социальные науки, дисциплины, интернет.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-81-113.

*Полина Колозариди, к. с. н., преподавательница, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Клуб любителей интернета и общества, poli.kolozaridi@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5213-0235; Лёня Юлдашев, исследователь истории интернета (Москва); Клуб любителей интернета и общества, tov.dinast@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3709-4720.

**© Колозариди П.; Юлдашев Л. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ВВЕДЕНИЕ

Пик авторефлексии интернет-исследований как субдисциплины (studies) пришелся на короткий период 2003–2005 гг. (Markham, 2005, Livingstone, 2005). Несколько исследователей, причастных к этой области, описали, как видят основание и структуру своего направления. Но после этого, вот уже около пятнадцати лет, об этом нет больших разговоров, исследований и публикаций. В 2010-х годах вышли сборники, посвященные тому, как устроены и из чего состоят интернет-исследования (The Oxford Handbook of Internet Studies, 2013, International Handbook..., 2010, The Handbook of Internet Studies, 2011). С тех пор они не переиздавались. Несколько текстов о направлении выходили в 2010-е годы (Ess, Dutton, 2013, Tsatsou, 2016).

В таком не вполне саморефлексивном статусе это направление продолжает существовать по сей день. Ассоциация интернет-исследователей ежегодно проводит конференцию. Образовательных программ, посвященных непосредственно интернет-исследованиям, в университетах почти нет, однако назвать себя интернет-исследователями могут многие — от сетевых аналитиков до составителей энциклопедии мемов. Расстаются со статусом интернет-исследователя так же легко, как принимают его. Поработав с темой интернета пару десятков лет, к концу 2010-х годов люди порой меняют область интереса: они обращаются к критическому анализу больших данных, изучению социальных сетей или сужают интересы до исследований инстаграма.

Дело выглядит так, что интернет-исследования как субдисциплина еще существуют, но их разработка постепенно перебирается в музей истории науки. В такой ситуации эта исследовательская область выглядит особенно интересной, ведь, возможно, ее биография завершается, а автобиография — так и не написана. Новые исследовательские центры не появляются каждый год, как это было в 2000–2010-е, а в рассылке ассоциации люди обмениваются готовыми силлабусами, а не спорят о понятии интернета. Интернет-исследования оказываются удобным объектом для изучения канона. Понятие канона в исследовательских областях не разработано концептуально, поэтому нам нужно будет самостоятельно определить, что именно может быть названо так и какое место проблема канона занимает в определении границ исследовательской области и динамики ее изменения. Так мы формулируем задачу данного текста.

Авторы этого текста — интернет-исследователи. Для того чтобы описать происходящее в нашей области, мы в первую очередь представим ключевые понятия, которые будут проблематизированы в этом тексте: дисциплины, междисциплинарной области. Затем мы постараемся понять, каким образом с ними соотносятся понятия классики и канона. Их место, или ситуация — что осуществляет себя в качестве канона и кто занимается этим осуществлением — и является центральным вопросом статьи.

Задачи этого исследования дополняют друг друга: мы пытаемся понять, как устроены интернет-исследования, и одновременно изучаем то, насколько эвристично понятие канона. Результатом будет и описание исследовательской области, и примерка канона как понятия к этому материалу.

Дальше мы продемонстрируем три сюжета из истории интернет-исследований, чтобы понять, как ситуация канона возникает и оказывается связанной с границами, формированием и существованием исследовательской области. Это не эмпирическая работа, а эссе, однако для составления обзора интернет-исследований мы обращаемся к работам Полины Колозариди (Колозариди, 2020), чтобы рассмотреть проанализированные ею исследовательские центры и направления. В финальной части текста мы полемизируем на тему того, как возможно понимать канон в исследовательской области.

ЧАСТЬ 1. ОТВАЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В ПОИСКАХ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ

ТРИ ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Чтобы обратиться к столь аморфному объекту, как исследовательская область, нам нужно понять, какие есть традиции работы с подобными явлениями. Мы выделяем три типа исследований научных направлений, дисциплин и междисциплинарных областей. Конечно, это идеальные типы — на деле все они сосуществуют даже в рамках текста одних и тех же авторов. Нам нужно определить и свой способ обращения к исследованию, и сам объект, поэтому необходимо картографировать методы, обратив внимание на их ограничения.

Во-первых, это философия или социология знания. В этом случае исследователи подходят к изучаемому направлению с метарамкой, в которой рассматривают или динамику и перемещения, или структуру, а иногда и все вместе. Примеры таких подходов: Кун, Налетов и др., 2020, Фейерабенд, Никифоров, 2007, Галисон и Дастон, Вархотов, 2018,

Мол, Гусейнова и др., 2018. За каждым таким автором, часто не брезгующим эмпирической работой, стоит теоретический интерес к знанию и формам его бытования.

Следующее направление исследований — *нарративы и автонарративы, самоописания области*. Это тоже заслуженный жанр; он обычно существует в рамках истории или философии. Социологи пишут историю социологии, философы — историю философии; кто-то — как завершающий труд, кто-то — для начала деятельности и поиска позиции, кто-то — как оформление своих вводных лекций. Это Бертран Рассел (Рассел, Целищев, 2016), Пиам Гайдено (Гайдено, 2000) и так далее. В таких случаях речь идет о попытке утверждения собственной дисциплины или дисциплинарной области как ведущей и более значимой, чем остальные.

Наконец, третий подход — *обращение к способу осуществления исследований, предполагающее эмпирическое изучение*. Он принят в наукометрии, исходя из институциональных условий и событий: университетов, библиотек, публикаций, журналов, книгоиздания и т. д. Так устроены тексты, повествующие об академических баталиях, наукометрических показателях, а также нарративах статей и т. д. (напр., Жэнгра, Гашков, 2020, *The Literary Structure...*, 2011). Во многих исследованиях третьего вида проблемы формирования канона являются центром и проблемой сами по себе, но существующий корпус работ и показателей, которые их объективируют, становится данным, а сами его границы и происхождение не оспариваются.

На первый взгляд, третий путь — ориентация на условия, события и вообще то, что схватывается «эмпирически», — позволяет достаточно легко подойти к определению исследовательских областей (*studies*). Но на деле такой подход имеет свои недостатки: разбираясь с количеством публикаций, мы не можем твердо сказать, на основе чего мы описываем границы. Ведь само по себе слово «интернет» ни на что не указывает, появляясь в публикации. Возможно, авторы имели в виду рукописи, оцифрованные и опубликованные в интернете. Относить ли такие тексты к области изучения интернета или цифровой гуманитаристики? Ответы на подобные вопросы дают как раз описания первого (и отчасти второго) типов.

В отношении наук все три подхода работают относительно ясно. При помощи них можно изучать и классику, и современность, делая акцент на разных аспектах наук, не вынимая их из научного обихода. Если мы говорим о базовых текстах и авторах, формирующих дисциплину,

обычно используется понятие «классики» (Классика и классики..., 2009; Савельева, Полетаев, 2010).

Классика соответствует всем трем подходам, о которых мы написали выше. Это понятие позволяет описать ситуацию и сущность науки, во многом ориентируясь на труды предшественников или основоположников (отделяя их от современности). Изучение классики — это нередко тема самой науки, но нередко и классика понимается через учебники, где история объекта и история дисциплины переплетены. Прерогативой метаязыка долго обладали история и философия наук, так как они посягали на то, что могут представлять из себя условия (история) и сущность (философия) наук без участия их самих. В XX веке к ним добавилась социология и разнообразие методов на стыке исторических, социологических, антропологических, философских подходов, а также анализ количественных метрик, который использует, например, статистический аппарат.

Но когда дело доходит до междисциплинарных областей, понятия классики оказывается недостаточно. Дело в том, что знания, необходимые для междисциплинарного исследования, не проходят «в классах», по ним не сдают экзамены. Учебники нередко заменяются хрестоматиями или пособиями с неисторичной структурой, где границы темы очерчивает лишь вводная статья. Строго говоря, из оптики исследователей науки междисциплинарные области вообще могли бы ускользнуть, поэтому мы обращаемся к понятию канона. Канон, как что-то, что схватывает одновременно «правила и праотцов», может не подходить для описания наук (Классика и классики..., 2009), но работает функционально — задает язык, на котором общаются люди, работающие с одними и теми же проблемами, и способ его оформления в тексте (The Literary Structure..., 2011). Кроме того, он может быть оспорен и уточнен с разных позиций (Waisbord, 2019; Corner, 2019). Мы предполагаем, что канон работает по иным принципам, нежели классика, для научных сообществ; но исследований, которые бы это показывали, очень мало.

Ситуация осложняется тем, что в нашем случае невозможно говорить о каноне или «ядре», опираясь только на историзацию и понимание преемственности. Это не позволяет нам заимствовать ход проблематизации, например, литературного канона (Блум, Харитонов, 2017). Ведь процессы, о которых мы здесь говорим, наблюдаются с середины 1990-х по сей день или, если иметь в виду основные материалы нашего рассказа, — в конце 2010-х годов. Вместе с тем нельзя сказать, будто центр и ядро исследовательской области нужно искать только

в наши дни. Понятие «канон», которое заимствуется из литературы, предполагает нечто передаваемое из прошлого в будущее. Для описания канона интернет-исследований нам будет нужна комбинация из всех трех направлений изучения дисциплин и областей знания. Мы будем обращаться к их институциональному существованию, анализировать нарратив и выходить к метакатегориям.

Итак, мы обращаемся к понятию канона, отличая его от понятия классики. Канон не всегда преподают в университетах, он скрепляет подвижные границы областей знания. При этом канон полагает образец для действия и задает язык и определения, которые признаются в сообществе. Таким образом, мы предлагаем *понимать канон как совокупность авторских действий и текстов, которые становятся основаниями для институционализации или оспаривания области знания*. Под действиями мы понимаем и включенность в институциональные контексты (журналы, конференции, исследовательские центры), и взаимодействие с другими авторами в текстах. Это определение отчасти основано на понимании литературного канона¹, отчасти — на том, что канон может быть аналогом классики для недисциплинарных областей знания. Мы предполагаем, что канон позволяет очертить границы междисциплинарной области и отличить ее от других, а также одновременно и от дисциплин, которым она наследует. Это эссе посвящено институциям, конкретным исследователям и понятиям как наиболее прямому способу «дотянуться» до канона. Тем не менее мы считаем, что эмпирические исследования других составляющих канона необходимы: это может быть изучение связей между конкретными текстами и авторами, устройства конференций и журналов, факультетов и исследовательских центров.

дисциплины, субдисциплины, интердисциплинарность,
междисциплинарность, недисциплинарность,
и почему мы запутались

Предмет нашего интереса в этом тексте — это интернет-исследования. Они не являются дисциплиной. Это первое определение от противного предполагает, что мы полагаем дисциплину некоторой нормой,

¹Мы обращаемся к литературному канону по двум причинам. Во-первых, основанием областей знания являются хоть и не художественные, но тексты. Во-вторых, понятие литературного канона обрело подвижность: мы видим, что канон оспариваем, критикуем, подвижен и что он может быть объектом разносторонней рефлексии, чего нельзя сказать о классике.

а ее отсутствие — ситуацией, требующей прояснения и предупреждения. Почему это так?

Мы пишем текст в дисциплинарный журнал, чем обрекаем его на существование в поле академии, сформированном именно дисциплинами. Дисциплины существуют в образовательных программах, книжных каталогах, журналах, на конференциях, они регулярно повторяются в разных странах и городах, и, даже несмотря на колоссальные разрывы в позициях и интеллектуальных программах, авторы, вроде Гирца и Гидденса, могут соседствовать на одной полке. Существуют исследования, связанные с конкретными условиями образовательных институций, но дисциплина невозможна без сообщества (McCulloch, 2002). Авторы исследований дисциплин не поясняют, возможны ли сообщества без дисциплин. При этом междисциплинарные исследования и исследовательские сообщества возникают как раз как коллективные сущности вокруг дробления дисциплин и фокусировки на предмете и объекте. Выделяют следующие их основания: тенденции специализации (когнитивной и социальной), территориальные перестройки (дифференциация, продвижение, междисциплинарная гибридизация и т. д.), способы и факторы институционализации (в частности, важность политики высшего образования, университетских программ и факультетов), логику, связанную с самим содержанием знания и инструментами исследования (Monteil & Romerio, 2017).

Но помимо фиксации studies как результата дробления, есть и сторонники studies как основы для устройства коллективной познавательной работы. Стоит посмотреть на работы Розы Брайдогги: она выстраивает утопический горизонт канона, основанного на необходимости его основания как тотальной инклюзивности и демократичности, исключающей все неинклюзивное и недемократичное (Braidotti, 2019). Есть и более мягкие версии тезиса о том, что ученым может быть каждый: от «Социологического воображения» Миллса (Миллс, Оберемко, 1998) до инструментального отношения к теории Аннмари Мол (Мол, Гусейнова и др., 2018).

В любом случае все эти исследователи предполагают, что дисциплины — базовый способ существования знания в ситуации современности, они в ней возникли и ее воспроизводят. Также они неизбежны в классическом университете, который появился как нечто единое в XVIII–XIX веках, впитав черты немецких, английских, французских учебных заведений, и распространился по миру. В университете есть кафедры,

факультеты, учебники и в конечном счете дисциплины. И в этом смысле интернет-исследования — не дисциплина.

Большинство исследователей studies сходится в том, что это явление появилось в ходе двух процессов: фрагментации, измельчения дисциплин и трансформации университетов, перехода производства знания ко все более разнообразным акторам. Фрагментация означает, что отдельные дисциплины дробились внутри себя на конфликтующие или сосуществующие подразделы, возникающие на самых разных основаниях (например, микросоциология, конверс-анализ (Lauren & Derin, 2020), аналитическая философия, цифровая этнография (Gajjala, 2002)). Часть из них остается в рамках дисциплин (например, потому что связана в первую очередь с разработкой метода), а часть — сосредотачивается на объекте, предмете или особенности своего способа отделения. Так оформились гендерные исследования, урбанистика, медиаисследования, исследования коммуникации и так далее (например, Laughey, 2007, Лукке, 2011). У них был разный путь возникновения, сейчас они существуют неоднородно и представляют собой контекст, в котором возникают и интернет-исследования.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ВСТРЕЧАЮТСЯ СО СВОИМИ ОБЪЕКТАМИ

Итак, исследовательские области образуются двумя способами. Первый способ — фрагментация наук и дисциплин, вторая — концентрация на объектах и предметах исследования. Науки и дисциплины, которые в первую очередь необходимо учитывать для понимания интернет-исследований, — это социология, филология, философия, антропология и история. Также к ним могут относиться политические науки, науки о культуре и широкая область исследований коммуникации, информации и медиа. На уровне интереса к объекту интернет-исследования находятся на стыке наук о городе, об искусстве, а также методологических подходов в духе цифровой гуманитаристики и сетевого анализа. Наконец, каждому из направлений наследуют и области знания, связанные с появлением новых видов действия в условиях цифровых медиа и опосредованных интернетом способов коммуникации — от изучения инфлюэнсеров и селебрити до рассмотрения цифровой памяти и смерти, веб-истории или критики способов анализа онлайн-данных.

Все это многообразие реализует свою сложную подвижность через статьи, исследования, дискуссии, образовательные программы. Оно обретается не только в стенах университетов, так как нередко исследова-

тельские инициативы возникают на границе с политическими проектами (например, изучение данных граждан Евросоюза), прикладными исследованиями (например, центры при корпорациях, таких как Microsoft или Google). Наконец, направления становятся частью давно существующих способов исследований, таких как, например, опросные фабрики.

Объединение многообразия происходит на конференциях, в академических журналах, в рамках грантовых проектов, а также на образовательных программах. Мы рассмотрим процесс и обособления, и объединения исследовательских сфер далее. В этой части важно понять особенности отдельных концептуальных оснований интернет-исследований: социально-гуманитарных наук и наук об информации и коммуникации (*information / communication studies*) (Song & Eberl & Eisele, 2020), — а также что вошло, а что не вошло в канон интернет-исследований, хотя более подробное описание самой области последует в следующей части.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И КОНСТРУКЦИЯ НАШЕГО ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ,
КОТОРЫЙ НАДО БЫЛО НЕ НАЙТИ, А СОБРАТЬ

Итак, подведем итог первой части. Мы описали в ней основные способы формирования высказываний о становлении и существовании дисциплины и области знания. Это философский/исторический, нарративный и эмпирический подходы. Мы предлагаем рассматривать канон как то, что представляется как укорененным в последовательности от настоящего к прошлому и оспаривается как движение от будущего к настоящему (и сформировавшему его прошлому). Эмпирический подход обращается к настоящему, изучаемому с помощью конкретных методов. Нарративный подход связан с тем, как помещается собственное знание и существование по отношению к описываемому материалу. В этом тексте будут использоваться все три подхода: от обзора и нарративной истории мы перейдем к историко-философскому анализу.

Также мы определили исследовательскую область как результат одновременно дробления дисциплин и объединения вокруг объектов и проблем «реального мира». Академическая часть исследовательских областей представляет собой ситуативное объединение, включающее как дисциплинарные каноны, так и теоретико-методологические ходы, возникающие в результате их применения конкретными субъектами (организациями и индивидами) к проблемам и сюжетам объектов исследования. Кроме того, часть исследовательских областей является своего рода приближением к объекту — например, исследования медиа

или искусства, которые уже внутри себя дробятся на киноведение, театроведение и так далее. Определение объекта исследования в некотором смысле замораживается в исследовательских областях и с известным трудом претерпевает изменения в дальнейшем. Этот «замороженный» канон при этом укоренен не столько в классических текстах и концептуальных проблемах, исходящих из прошлого, сколько в настоящем и будущем, так как исследования направлены на прояснение и краткосрочное прогнозирование. Так устроены исследовательские области.

Мы предполагаем, что для их описания понятие канона окажется более подходящим, чем понятие классики, так как первое позволяет обращаться к практикам и понятиям, не связанным с производством знания в рамках сложившихся в академических мирах сообществах. При этом канон задает образцы и общий язык, которым дисциплинарная область описывает свои объекты, различая их среди сходных явлений, сливающихся или бесконечно далеких друг от друга в ситуации здравого смысла.

В следующей части мы рассмотрим интернет-исследования как отдельный случай, а затем перейдем к дискуссии, в которой проанализируем формирование различий и формирование/оспаривание ядра исследовательской области.

ЧАСТЬ 2. ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНЕТ И ПОЧЕМУ ЕГО ИССЛЕДУЮТ

ИНТЕРНЕТ КАК ПОНЯТИЕ: ИСТОРИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Интернет сложно зафиксировать как нечто начавшее быть объектом исследования. Сейчас слово «интернет» ретроспективно используется для обозначения большого количества сетевых инфраструктур, социальных практик и культурных артефактов, возникающих с середины XX века. Дебаты о том, что можно считать началом интернета, происходят в ближайшее к написанию этой статьи время. Дело в том, что на протяжении двух десятилетий основной историей интернета было его происхождение от американской сети «Арпанет» (Haigh & Russell & Dutton, 2015), но со второй половины 2000-х годов возникает все больше текстов, журналов, конференций, утверждающих, что эта история не является ни единственной, ни основной (Abbate, 2017). В качестве других «прародителей» появляются французская сеть «Минитель» (Mailland & Driscoll, 2017), советский ОГАС (Герович, 2011), чилийский Cybersyn (Medina, 2011). В каждом случае возникает вопрос, сохраняется ли при таком разнообразии предков единство названия

«интернет» или, например, заменяется на «неты», как в проекте историка медиа Кевина Дрисколла (Дрисколл и Палок-Берже, Юлдашев, 2020). Этот пересмотр исторического канона еще далек от завершения, и мы фиксируем скорее его начало, но он уже сейчас влияет на институциональную организацию поля, соотносясь с тем его дроблением и затиханием внутренних дискуссий.

Для нашего текста это означает, что описать «начало интернет-исследований» едва ли возможно, так как фиксация этого начала будет подобна запискам с поля сражения, которые не отражают всей картины, так как горизонт занят пушками и задымлен пашками. Тем не менее если мы отойдем от этой сложной ситуации генезиса объекта, судьба истории исследовательской области выглядит более ясной.

В первую очередь это судьба вопроса об интерпретации и понимании того, как интернет влияет на общество. Он осмысливается через существующие смежные субдисциплинарные определения, такие как медиа, технология или способ коммуникации (The Oxford Handbook of Internet Studies, 2013, Livingstone, 2005). Эти рамки задают определение его трактовки, и, например, интернет не оказывается среди инфраструктур (такое определение возникнет позже) или научных изобретений.

Важно, что сами участники производства интернета — за редким исключением наиболее известных фигур (обычно рассматриваемых как отцы-основатели или визионеры) — не являются тем «обществом», которое меняется с появлением интернета. Напротив, они отделены от производимого объекта. Несмотря на растущее количество IT-специалистов, инженеров, дизайнеров, сами эти группы изучают интернет как технологическое явление, и между языками информатики и социально-гуманитарных наук не так много «мостов».

Но понятие «общества» как объекта, принимающего технологии и требующего изучения, остается: оно есть и в названиях исследовательских центров и журналов, и в хэндбуках. Более внимательного исследования заслуживает связь этого общества с информационным (Theories of the Information Society, 2014), или сетевым (Benkler, 2008), или далее — алгоритмическим обществом (Schuilenburg & Peeters, 2020).

Итак, история интернета как объекта пересматривается, поэтому мы предлагаем оставлять ее в жанре «предыстории». В таком случае история исследований начинается в 1990-е годы и развивается сразу в нескольких направлениях: все они заняты интерпретацией влияния интернета на общество и через это — пониманием его как явления. К концу 1990-х годов оформляется направление интернет-исследований

через регулярную конференцию, первые исследовательские центры, а также публикации в научных журналах.

Следующая часть посвящена структуре интернет-исследований. В ней мы постараемся описать и условия производства ядра субдисциплины, и основные его свойства.

КАК ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОПИСЫВАЮТ ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискуссия о существовании интернет-исследований состоялась в 2003–2005 годах и затем дополнялась размышлениями и систематизациями более поздних лет. Какая ситуация была в эти годы, в начале 2000-х?

Уже существовала конференция ассоциации интернет-исследователей (AoIR), ее первая встреча прошла в 2000 году. На ней обсуждались междисциплинарность, сети, сообщества, критические подходы, сопротивление и так далее². Повестка во многом определялась и внутринаучными методологическими дебатами, и тем, какие они имеют политические преломления. Исследования интернета и его социально-политическая действительность обсуждались вместе, и сама рамка исследовательской области этому не противоречила. В отличие от других ассоциаций (например, социологической), ассоциация интернет-исследователей не подразделяется на рабочие группы, связанные, например, с теорией, методами и политической повесткой.

В начале 2000-х годов публикации об интернете выходили в новых для того времени журналах: *The Journal of Communication* (первая дискуссия об интернете в 1996), *The Journal of Computer-Mediated Communication* (появился в 1996 году), *Information, Communication and Society* (возник в 1998 году), *New Media and Society* (выходит с 1999 года). Эти четыре издания остаются крупнейшими и наиболее высокими в рейтингах международных изданий, где выходят статьи об интернете. Журнал *First Monday* также был создан в 1996 году, но достаточно долго не был таким рейтинговым, как остальные из перечисленных, поскольку не принадлежал ни к одному из крупных издательских домов.

Тогда же, на рубеже девяностых и нулевых годов, начинают создаваться исследовательские центры, сосредоточенные на теме интернета. Они возникают при университетах, корпорациях, отчасти к ним можно отнести подразделения крупных исследовательских фабрик. Такие центры и производят научные публикации, и осуществляют прикладные исследования. Немалое количество других исследовательских лабораторий

²См. материалы конференций: https://aoir.org/aoirarchive/aoirarchive_conferences/.

сосредотачивается только на прикладных разработках или работает с интернетом как с одним из объектов своего исследования. Крупнейшие центры находятся при Оксфордском университете, Гарварде, Массачусетском технологическом институте, университете Гумбольдта в Берлине. Помимо научной и прикладной повестки они также включены в политические взаимодействия и представляют интернет как нечто положительно влияющее на общество. Исследовательские программы часто укоренены в этой повестке, и ученые работают над тем, как интернет укрепляет (или разобщает) сообщества, участвует в изменении правовой системы, государственного управления, процессах демократизации или трансформации информационных и коммуникационных процессов. Эти же темы остаются в сфере внимания в журналах и на конференциях, хотя там к ним добавляются и другие сюжеты. Нередко повестка исследовательских центров обусловлена существующими партнерами и спонсорами, среди которых обычно есть глобальные организации, НКО, а также крупные коммерческие компании, занятые разработкой интернет-продуктов (например, Google и берлинский Гумбольдтовский центр изучения интернета).

В дальнейшем, в течение следующего десятилетия, количество таких центров убывает, а количество более узких тем возрастает. Возникают центры, посвященные отдельно темам интернета и детства, интернета и права и так далее. Кроме того, все большую роль начинает играть разработка методов: сетевого анализа, изучения онлайн-данных, а в дальнейшем — и критическое исследование таких методов.

Внутри дисциплин интернет также остается предметом разработки и рефлексии. Он имеет большое значение для социологии и представляет собой вызов разделению между действием, и его фиксацией в высказывании (неясно, что такое пост в социальной сети, насколько он отделен от своего офлайн-варианта) и структурами взаимодействия (см. Selwyn, 2019, Digital Confidential, 2020). Так «сетевое общество» как термин могло быть базовым, но недостаточно концептуальным ответом, и для объяснения коллективности в интернете возникают понятия, вроде «connected action», а для обозначения идентичности групп — «networked individuals» (Wellman & Rainie, 2013). И конечно, для социологии и антропологии интернет представляет собой важный объект для осмысления, так как он может трансформировать методы наблюдения (чему посвящено обширное поле рефлексии цифровой этнографии), опроса (как с помощью электронных анкет, так и с помощью обращения к уже

сделанным высказываниям в социальных сетях) (Selwyn, 2019, Miller & Horst, 2020, Meyer & Schroeder & Cows, 2016) и т. д.

Политические науки также пытаются рассмотреть интернет как внутреннюю задачу, так как обсуждения на онлайн-площадках могут соотноситься с электоральной активностью, например с созданием людьми в интернете политических объединений. Утопический горизонт предполагает, что изменения могут вести в однозначном направлении, например, к росту политических свобод. Его оспаривание или уточнение также представляет собой важную часть общественных и научных дискуссий об интернете как явлении (см. *The Oxford Handbook of Internet Studies*, 2013).

При этом ядро интернет-исследований достаточно долго оставалось и отчасти по сей день остается (если в целом возможно говорить о ядре в таком случае) сосредоточенным на осмыслении того, что люди делают в интернете/с интернетом и как это влияет на человека и общество. Мы наблюдаем это и по темам конференций, которые предлагают конкретные фокусы общего интереса, но полевые исследования остаются связанными с тем, что происходит в отдельных сообществах, в рамках отдельных теоретических и методологических подходов.

Интернет и как инструмент (имеется в виду, что он может разрабатываться не теми же, кем используется; создание платформ, проводов, устройств для взаимодействия), и как пространство общения (имеются в виду изображения, тексты, правила и способы общения), и как явление в рамках других (регулирование государствами, создание сервисов банками, образовательными структурами и пр.) изменяется. Мы не можем приписать изменение интернет-исследований только интеллектуальной или социальной динамике внутри самих исследовательских полей.

В этом смысле вопрос об интернет-исследованиях — не только в том, как они существуют в качестве структуры, но и в том, как они «дисциплинируются», как возникает канон. В дискуссиях 2003–2005 годов, от которых мы все не уходим, есть три версии того, как это происходит.

Аннетт Маркхэм обращается к фукольдианской традиции понимания дисциплин как набора определений и предполагает, что интернет-исследования достаточно долго не прибегают именно к этому способу формирования себя как области (Markham, 2005). Соня Ливингстон показывает на конкретных примерах, как интернет-исследования позволяют прояснять существующие способы объяснять онлайн-явления и менять понимание политиков или здравого смысла, добавляя в них сложный контекст условий интернета как такового (Livingstone, 2005).

Барри Веллман говорит о смене эпох, связанных с объектом и способом его фиксации: от изучения некоторой глобальной сети через учет действий к исследованию человека и пользователя, который как бы воплощается в Интернете (Wellman, 2004).

Позже, в 2010–2013 гг., появляются хэндбуки. Это можно считать завершением этого периода институционализации (до сих пор нет ни одного конкурирующего или дополняющего их издания). Хэндбуки отличаются по своей структуре и идее: оксфордский предлагает видеть интернет как часть других социальных миров, европейский — как часть способа понимания мира и метода. Но в каждом хэндбукке — эмпирические и теоретические исследования, где речь идет не об интернете вообще, а о чем-то относящемся к интернету, будь то цифровая этнография, неравенство в мире компьютерных игр или рынки в Юго-Восточной Азии.

Панайоти Цацу в 2016 году описала область интернет-исследований, разделяя ее на *studies* — большие изучаемые явления (кибербезопасность, теоретизацию интернета, его роль в применении понятий разных теорий) — и *research* — непосредственно исследования, то есть то, что становится частью изучения, не требующего перформулирования повестки (Tsatsou, 2016). Юрий Рыков и Олег Нагорный в 2017 году предложили определить интернет-исследования как то, что в контексте социальных наук обращается к критической или сетевой теории общества (Рыков, Нагорный, 2017). Эти дискуссии показывают, что фокус внимания интернет-исследований достаточно легко перемещается из них самих в те области, которые обращаются к интернету как части своего метода или проблемы. В этом смысле их собственный канон не вполне ясен. Чтобы рассмотреть его, выходя за общие слова о том, что это комплексное явление, обязывающее изучать социальную, материальную, технологическую и другие «реальности», мы обратимся к трем историям исследователей, которые повлияли или влияют на интернет-исследования. Мы постараемся понять, с какими напряжениями, взятыми из дисциплин, они работают, какие проблемы это выявляет в интернет-исследованиях и какие решения предлагаются.

ТРИ ИСТОРИИ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНТЕРНЕТА

Три истории авторов, оказавшихся в разных отношениях с канонем интернет-исследований, показывают, как работает и многообразие подходов к канону, и усвоение, и оспаривание канонов других дисциплин.

Мы расскажем о них коротко как об историях людей. Все рассматриваемые персонажи живы, продолжают публиковать статьи и книги. Мы не можем наблюдать завершенность их проектов, но можем понять ее динамику. Каждая история начинается с того, как русскоязычные читатели и исследователи могут или могли бы встретиться с работами этих авторов. Это делается для того, чтобы в финальном обсуждении мы могли вернуться к ситуации канона.

ДАНА БОЙД

Книга даны бойд³ «Все сложно» переведена на русский язык. Ее публикация в России осталась незамеченной: книга появилась в книжных магазинах, на сегодняшний день вышли всего две рецензии, ссылок на текст очень мало (бойд, Каптуревский, 2020). Исследовательница важна для интернет-исследований, так как она стала адаптировать терминологию социолога Ирвинга Гофмана к интернету, ввела определение интернета как приватно-публичного пространства, изучала подростков, составила один из ключевых сборников о социальных сетях, а затем стала заниматься проблемой данных. Но обо всем по порядку.

Взрослея, дана бойд уже активно пользовалась интернетом: она много общалась в чатах и на сайтах в юности; впоследствии она описала этот опыт как важный для становления своей исследовательской самости. Работая в нескольких проектах при крупных университетах и корпорациях, бойд изучала, как взаимодействуют с интернетом другие люди. Вместе с Элис Марвик они исследовали подростков (Marwick & boyd, 2011), с Николь Эллисон — социальные сети как явление (Elison & boyd, 2013), с Кейт Кроуфорд же написали цитируемую для этого поля статью про большие данные (boyd & Crawford, 2012). Все три основные соавторки бойд — сейчас тоже весомые фигуры в американских академических мирах, и каждая занимается своей темой: знаменитостями, социальностью в интернете или данными. В этом смысле «центральность» бойд может быть объяснима ее расположением в социальной сети. Это объяснение легко согласуется с пространственной метафорой, усвоенной в изображениях социальности интернета: организации, люди, явления — все располагается как узлы в сети, и плотность связей подтверждает значимость узла (человека, темы, явления).

³Исследовательница интернета дана бойд (или дэна бойд) пишет свое имя в нижнем регистре, чтобы удовлетворить собственное политическое раздражение по поводу важности капитализации.

Но особенность работы даны бойд объяснима не только таким социологически упрощенным способом, ведь он схватывает только то, что происходит в настоящем, а один из основных сюжетов работы бойд — обращение к классике социологической теории, Ирвингу Гофману. Гофман создавал часть своих теорий, изучая, как люди регулируют свое поведение в публичных местах. Бойд показала, что в интернете они делают то же самое. Но разные части интернета обладают разной публичностью, и, значит, первая задача — реконструировать то, как они ею наделяются и что в них исполняется как частное/публичное. Инструменты для этой реконструкции заимствуются в символическом интеракционизме, и, хотя методология — не ключевая проблема для бойд, она отсылает к уже сделанным (не только на материалах онлайн-практик) исследованиям (Marwick & boyd, 2011), и за ней следуют новые.

Интересно и движение самой даны бойд как субъекта. Она начала, как мы описали, с изучения онлайн-практик. В 2010-е годы вышли самые популярные ее статьи, посвященные этой теме (например, *ibid.*). В то же время вместе с Кейт Кроуфорд они написали текст о больших данных в первую очередь с точки зрения проблематизации этого понятия как социального явления (2012). После этого бойд перешла к теме данных и стала основательницей и руководителем *data and society* центра в Нью-Йорке. Это внешне не самое очевидное движение вполне объяснимо, если обращаться к ее текстам на границе этих тем и к небольшим публикациям о фейковых новостях. В них утверждается:

- (а) несопоставимость смысла, который люди вкладывают в свои практики в интернете, и данных о них, которые появляются в отчетах и исследованиях;
- (б) непонимание сотрудниками IT-компаний и разработчиками этой несопоставимости;
- (в) происходящие из этого политические проблемы: алгоритмическое неравенство, социальная сегрегация, моральная паника и так далее (boyd d., 2017).

Рассматривая интернет и как то, что состоит из практик людей, и как истории изменения интерфейсов, бойд приходит к необходимости усиления той философской и социальной критики, которую она воплощала в своих ранних работах. При этом для своих исследований она не обращается к самим проблемам философии или предпосылкам, вписанным в устройство институций, а рассматривает конфликты и сложные методологические вопросы исходя из ситуации, в которую канон (например, необходимость понимания другого с помощью качественных методов)

уже вписан. Это показывает, что интернет-исследования в исполнении бойд хотя и работают с классическими для социальных наук подходами, обращаются к ним инструментально, а ключевой задачей для нее является работа с современностью.

БАРРИ ВЕЛЛМАН

О Барри Веллмане одна из авторов этого текста услышала от исследователей социальных сетей в России. Несмотря на то что ни один его текст не переведен на русский язык, Веллман в меру известен среди социологов, занятых количественными методами, ведь он вместе с Ли Рэйни написал книгу «Связанные: социальная операционная система» (2012), в которой ввел важные для понимания социальности интернета понятия: от «тройной революции» до «сетевого индивидуализма». Последнее претендует на решение одной из главных проблем социальных наук в контексте интернета — выяснить, какие социальные отношения возникают между людьми в интернете и в чем заключается их специфика.

Веллман работает не в одиночку: он опирается на труды предшественников и в течение всей своей жизни, как и бойд, окружен коллективами. Упомянутая книга написана в соавторстве с Ли Рэйни, директором американского Pew Internet Research — крупнейшей опросной фабрики, делающей комплексные исследования об интернете в жизни американцев (и не только). Кроме того, Веллман работал в Канаде с городскими исследователями, математиками, психологами, обращаясь к самым разным темам. Но это разнообразие — связанное.

Первое крупное исследование Веллмана — это изучение района города, в котором появился интернет. Вместе со своими коллегами исследователь выяснил, а потом много раз убедительно описал, что социальные связи между людьми не исчезают. Наоборот, они укрепляются, так как люди общаются с соседями и не только в том числе в интернете. Но это соседство не так сильно влияет на принадлежность человека к группе: люди остаются индивидами, будучи связанными в сети (Hampton & Wellman, 2003). Эта мысль не нова для социологии, но Веллман и Рэйни утверждают, что дело не только в социальных ролях, которые мы берем на себя. В небольшой и яркой статье о том, что было бы, если бы у Ромео и Джульетты были мобильные телефоны, Веллман показывает: социальные отношения перестают быть похожими на прежние, когда

в руках смартфон. Более того, изменение смартфона определяет социальные отношения в целом, хотя и не меняет сути социальной жизни (Н. Rainie, Wellman, 2012).

Когда интернет стал трансформироваться, Веллман начал описывать изменения и вывел вместе с Рэйни понятие «тройной революции». Согласно ему, радикальные изменения происходят, когда появляются дешевые смартфоны, доступные тарифы и сайты социальных сетей, где уже не анонимно, но действуя вместе с офлайн-идентичностью, регулярно общается человек. Эти изменения — как раз индивидуализация и трансформация социальных связей (*ibid.*).

Исследования Веллмана соотносятся с областью знания и практики, известной как сетевой анализ (Garton & Haythornthwaite & Wellman, 1997). Он не только соосновал конференцию и сеть исследователей, занятых этим, но и дал им легитимность на уровне социологического описания. Если индивидов можно изучать как сеть, где узлы сети перемещаются между разными отношениями, значит, именно подходы математиков и социологов, давно занятых этой темой, идеально работают для интернета. Веллман интеллектуально обустроил возможность переключения с количественного измерения мнений (с социологических опросов) к изучению действий (к сетевому анализу), которые показывают правдивую картину социального мира. Это же утверждение лежит в основе изучения «больших данных» и «датаизма» (Van Dijck, 2014). Но для нашего обращения к интернет-исследованиям примечательно, что тот подход к данным, который критикует бойд, происходит не извне, не создан лишь математиками, а в том числе является частью канона интернет-исследований. Если возвращаться к основаниям, то, хотя Веллман менее консистентен в описании своих интеллектуальных предшественников, его работы обращаются к структурному функционализму. В том числе даже оспариваемое им утверждение о сетевых индивидах продолжает представлять общество как структуру, а индивидов — как детерминированных своим местом элементов. Даже перераспределяя в сети, они действуют согласно правилам структуры или системы. Их собственная интерпретация оказывается вторичной по отношению к описанию больших систем, а интернет позволяет изучать эту меняющуюся структуру. Это радикально отличается от подхода бойд, которая, так же инструментально относясь к классикам социальных наук, использует их тезисы для противоположного утверждения: необходимо изучать, какие смыслы вкладывают в свои взаимодействия сами люди.

ДЭНИЕЛ МИЛЛЕР

Авторы этого текста познакомились с Дэниелом Миллером в Москве. Он единственный из персонажей этой статьи, кто не раз был в России и не исключает возможности делать исследования в компании российских коллег, обращаясь к местным материалам и интеллектуальным наработкам. Правда, Дэниел Миллер — вне канона интернет-исследований, хотя и покусается на их максимы, описанные в двух историях выше. В течение многих десятилетий он работает антропологом в Университетском колледже Лондона (UCL London). Он делал исследования в Карибском бассейне, на Тринидаде, Ямайке, в Индии и Великобритании, в торговых центрах, хосписах и интернете.

Первые исследования Миллера касались двух тем: материальности и Георга Фридриха Вильгельма Гегеля. Проводя антропологические исследования, Миллер показал, как работает субъективация и объективация: люди не становятся пассивными потребителями, а обретают субъектность, окружая себя вещами и совершая социальные ритуалы. Это сближает Миллера с символическими интеракционистами: в книге «Штуки» (Miller, 2010) он напрямую обращается к тому, чтобы работать с представлением себя другим (в терминологии Ирвинга Гофмана).

Между трактовками бойд и Миллера есть серьезные противоречия, например вопрос об аффордансах. Согласно бойд, материальность разработанных интерфейсов и других цифровых продуктов давит на пользователя, заставляя его совершать конкретные действия. Миллер спорит с этим, показывая, как люди приспособливают вещи, цифровые и аналоговые, к социальным ситуациям. Этому посвящен его масштабный проект «Почему мы постим» («Why We Post»), который и стал поводом для встречи, описанной в начале этого рассказа. В течение 15 месяцев Миллер и его коллеги жили в восьми странах мира (Италии, Великобритании, Чили, Китае (городском и сельском), Турции, Тринидаде, Индии и Бразилии) и изучали, как люди взаимодействуют с социальными медиа. По результатам проекта было написано 11 книг, множество статей, а также создан онлайн-курс, переведенный в том числе на русский язык. Эти материалы предназначены не только и не столько для исследователей, но для всех, кто интересуется социальными сетями и жизнью с интернетом (Miller, 2016). В этом смысле внеканоничность Миллера связана и с его дисциплинарностью и с ориентацией его текстов на широкую публику.

Тезисом о том, что все люди и социальные ситуации разные, а технологии их не объединяют и не создают загадочных онтогносеологических разрывов в духе описанных Веллманом, Миллер не ограничивается. Его совместная с Хизер Хорст книга о цифровой антропологии показывает необходимость диалектического понимания цифрового (Miller & Horst, 2020), а статья о теории теорий постулирует, что теории фетишизированы и задача исследователей — создавать своего рода рабочие метафоры (например, смартфона как переносимого дома) (Miller, 2021).

Пример Дэниела Миллера показывает, что в канон интернет-исследований лишь отчасти могут войти как дисциплинарные или научные подходы, так и максимально широкое знание в виде свободно распространяемой литературы, не связанной с институциями «об интернете». Сама специфика ориентации studies на объект не предполагает, что любой, кто его касается, автоматически становится соответствующим исследователем.

Миллер обращается к тем же темам, что и бойд и Веллман, и спорит с ними. Спор этот происходит не на территории антропологии, а в отношении понятий, которые антропологи могут трактовать иначе (например, понятие аффордансов, см. Madianou & Miller, 2013).

Но само обращение и даже большая популярность и институциональная значимость не всегда определяют включенность в язык studies. Последние в этом смысле наследуют не наследуют дисциплинам как таковым, а преемственны к истории их дробления: часть исследовательской области восходит к одной спорящей стороне во фрагментирующейся социологии (понимающей или структурно-функционалистской парадигмам). Антропологические исследования традиции Миллера игнорируют этот спор, в их интерпретации позиция людей, структур и материальности организованы иначе. Этот пример демонстрирует границы общности, их связность с теориями прошлого и одновременно подвижность и несвязность с другими иерархиями. Более того, исследования Миллера появляются и в интернет-исследованиях. Но также они привлекают в свои поля исследований другие страны, оказываются влиятельными для субдисциплин, которые приходят вслед за интернет-исследованиями (например, исследования онлайн-знаменитостей или мемов)⁴.

⁴Это сложно определить, исходя из того синхронного анализа, который мы можем провести, находясь в одном контексте и времени с изучаемым материалом. Впоследствии исследовательские области могут измениться в том числе под влиянием других областей

ЧТО МЫ УЗНАЕМ ИЗ ТРЕХ ИСТОРИЙ

Эти почти биографические очерки о трех исследователях, обращающихся к интернету, отчасти произвольны. Мы не изучали все упоминания интернета во всех статьях, написанных в мире, да и вряд ли это возможно, учитывая, что неловко было бы ограничиваться только английским языком поиска. Выбор этих сюжетов скорее иллюстративен, чем аналитичен, хотя едва ли мы получили бы радикально иной результат, обратившись к другим весомым фигурам, если не касаться специфических тем, вроде интернет-регулирования или адаптации концептов 1990-х годов к интернету в духе Мануэля Кастельса. Наконец, мы не стали включать в эти сюжеты рассказы об исследованиях культуры интернета, вполне влиятельные, вроде написанных Генри Дженкинсом, поскольку они идут скорее путем изобретения собственных подходов и соседства с междисциплинарными областями, такими как исследования культуры.

Но при всех ограничениях самого материала мы показали интеллектуальные и институциональные особенности этих сюжетов. Когда мы говорим об интернет-исследованиях и даже их маргиналиях, речь идет об англоязычном глобальном академическом мире, о дискуссиях, в ходе которых продолжается постановка вопросов об обществе и технологиях, социальном и техническом детерминизме, агентности людей. Часть этих дискуссий принимает политический оборот, часть — касается устройства знания и его свойств. Основная задача, которую реализуют исследователи, — это формирование языка и метода описания на основе некоторых теорий из социальных наук, их приложения к современным сюжетам.

Поверхностный взгляд может считать это как сами собой разумеющиеся и почти безальтернативные направления исследований. Но взгляд в окружающие Internet studies поля показывает, что неподалеку находятся области разработки методов (например, цифровая антропология и онлайн-опросы), исследования трансформаций наук (цифровая гуманитаристика, цифровая экономика), исследования инфраструктур и организаций. Ни одно из этих направлений не находится внутри дискуссий об интернет-исследованиях, о которых мы писали выше.

Знания, поэтому наши выводы здесь скорее являются предположениями, основанными на наблюдении изнутри ситуации.

Дискуссии возникали скорее как часть проблематизации сообщества, которое формирует канон *ad hoc*.

ЧАСТЬ 3. ДИСКУССИЯ О ТОМ, КАК ВОЗМОЖНО ИССЛЕДОВАНИЕ

В ходе написания этого текста авторы обнаружили несколько противоречий и в собственных позициях, и в том, как устроены описания *studies* у разных авторов. Дисциплины противопоставляются исследовательским областям из-за разного способа и периода согласований и утверждений о ключевых проблемах. Даже самые сложные и противоречивые дисциплины уживаются за счет единства языка, институциональных форм и канона как согласованного с классикой и соединенного с образами науки. К каждой из этих составляющих существуют десятки вопросов, им посвящены сотни книг, даже если мы говорим о социально-гуманитарных дисциплинах. Но этот «твердый» образ дисциплин возможен отчасти благодаря существованию буферной зоны междисциплинарности и исследовательских областей.

Последние оказываются скорее менее конфликтными внутри себя. На примере интернет-исследований мы видим, что их разноречивость почти не обозначена в дискуссиях. Тот факт, что разные исследования могут иметь в виду принципиально разное отношение к детерминизму, человеку, технике, не оказывается *casus belli* — исследования продолжаются, порой в одной статье встречаются цитаты авторов, которые объединены в совершенно несопоставимых для внутридисциплинарных теорий контекстах. Это особенно видно по разноречивости Барри Веллмана и тем дебатам, которые весьма подспудно идут между разными подходами к тому, что такое аффорданс. Это и позволяет всем указанным подходам сосуществовать в одном времени в разных местах. Кроме того, локальные контексты оказываются все более значимыми: хотя «глобальные» интернет-исследования имеют ощутимый центр, они не являются законодателями даже для публичного знания и других околоисследовательских инициатив (см. хотя бы противостояние даны бойд одновременно с теорией поколений и исследователями больших данных).

Получается парадокс: хотя дисциплины на деле куда более противоречивы, они претерпевают изменения, где новшество исходит из фактически более бесконфликтных исследовательских областей. В них канон не пересматривается, но не может не учитываться; в этом смысле они как будто ближе к «знанию как», чем к «знанию что» в терминах Полани (Полани, Гнедовский, 1985). Исследования повторяются за счет использования тех же приемов приращения эмпирических работ о явлениях,

которые маркируются как принадлежащие реальности-с-интернетом. В этом смысле, по крайней мере на примере интернет-исследований, приращение знания происходит не столько к некоторой области или «полю», существующему в мире университета и науки, сколько к самим по себе объектам познания. Возможно, мы таким образом обнаруживаем сообщество без дисциплины, которое тем не менее воспроизводит себя.

При этом трансфер академического знания (а исследовательские области заняты его производством, хотя и не только им) в публичную сферу или производство не происходит напрямую. Но «социализируя» производство знания, при этом исследовательская область пронесит и публичные принципы в то, как устроено производство знания. Инициативы и бойд, и Миллера носят ярко выраженный, хотя и совершенно разный социальный смысл: они способствуют тому, чтобы либо, как в случае Миллера, больше людей получили доступ к тому знанию, которое производят антропологи, либо, как в случае бойд, исследователи помогали устранять непонимания между обществом и производителями технологий. В этом смысле исследовательские области наследуют статусу «моральных наук», преодолевая различия между конкретными направлениями (Hacking, 1991). Ян Хакинг изучал историю статистики, показывая, что она связана в своих основаниях с вопросами о том, как возможно сделать жизнь общества лучше. Во многих случаях эта отдельная роль наук для общества воспринимается как должная без отдельной рефлексии. Мы полагаем, что для дальнейшего изучения темы канонов в исследовательских областях необходимо уделять внимание и самим предпосылкам моральных и социальных задач познания.

Пересмотр канона, если он и предлагается, исходит не из внутринаучных дебатов, а из сложной социально-политической повестки. Само устройство такого пересмотра также медленно переосмыляется. Это происходит уже из следующих поколений *studies* и еще более узких областей, таких как история интернета или управление интернетом. Там проблематизация исходит из тех же оснований, что и в основных исследовательских областях — в первую очередь деколонизационных проектах (см. конференции AOIR).

Чтобы соотнести каноны с философскими напряжениями, нам пришлось предпринять скорее спекулятивные ходы. Находя их вполне спорными и во многом основанными на анализе биографий и институций, мы, однако, предлагаем к следующему этапу обсуждения те вопросы, которые касаются определения канона, классики, науки и дисциплины.

В исследованиях наук можно встретить и подходы к тому, чтобы разграничивать процессы изучения, и их репрезентацию (Holmes, 1987); канон обнаруживается в первую очередь в создании описания. Мы полагаем, что это требует дополнительного изучения, которое может последовать за более широким описанием поля, представленным в этом тексте. Основным направлением тут можно назвать совместное производство социального порядка вместе с его описаниями (см. Jasanoff, 2004). Опровержение или подтверждение того, что в случае интернет-исследований происходит именно оно, возможно уже с анализом дискуссий вокруг ключевых положений канона. Его более твердое определение, вероятно, может возникнуть тогда, когда и социальный порядок, и языки описания будут изменяться. Мы предполагаем, что канон тогда может обозначить себя более отчетливо, но фиксация ситуации к 2022 году может пригодиться для оснований такой дискуссии. Завершая эту статью весной 2022 года, мы предполагаем, что одной из линий напряжения может быть как раз столкновение локальных глобальных сообществ и канонов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта статья начинается с того, что интернет-исследования пока не пишут автобиографию. Нас на протяжении всего текста удивляла небольшая саморефлексивность поля при колоссальной рефлексивности насчет исследовательской этики и вообще места исследований и технологий «в мире». Само по себе это не является проблемой, но делает исследовательскую область уязвимой по отношению к новым направлениям. Богатая эмпирическими исследованиями и теоретическими экспериментами область знаний может оказаться через некоторое время еще одним кирпичиком в стене между информационным и алгоритмическим обществом.

Поскольку исследовательские области институционализированы и описаны иначе, чем дисциплины, то понятие классики для них не подходит. Мы предложили понятие канона как возможное решение, позволяющее описать и авторские действия, и некоторые элементы текстов, хотя и не переходя к деталям и не проблематизируя генеалогии.

Канон исследовательских направлений не оспаривается изнутри. Организованы они в высшей степени централизованно и опираются на те институции и способы устройства коллективности, которые были во время их появления: крупные международные журналы, исследовательские центры на стыке академических и предпринимательских

миров, европейских НКО и институционализированных активистских движений. Оппонентами в *studies* оказываются не столько ученые из дисциплин, сколько популяризаторы знаний о том, что есть цифровые аборигены или что интернет меняет жизнь людей некоторым определенным образом.

Мы не включали в этот текст ситуации в дисциплинах, а также исследовательских областях, которые проблематизируют свои дисциплинарные и/или философские основания (как АНТ/СТС, см. статью Н. Волковой в этом же номере), предлагая канон устройства текста и тезисы, связанные со способом познания.

Канон в интернет-исследованиях оказывается ситуативным: как само устройство дисциплинарной области, так и его основные положения наследуют и дисциплинам в их спорах конца XX века, и устройству исследовательской жизни. Часть из них обращается к философским основаниям (от Фуко до теорий демократии), но сугубо инструментально — для подтверждения собственных оснований.

Каноны, вероятно, сохранят свою ситуативность, меняясь под воздействием конкретных условий. Но течение этих изменений уже находится под влиянием столь большого количества факторов, что мы не можем его предусмотреть. Что остается возможным? Историзировать и понимать место *studies* в том виде, в котором они существовали в конце XX и начале XXI века, и не упускать их оснований, описанных как канон или в ином структурированном виде.

ЛИТЕРАТУРА

- Блум Г.* Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Хари-тонова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- бойд д.* Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. Ю. Каптуревского. — М. : ИД НИУ ВШЭ, 2020.
- Гайденко П. П.* История греческой философии в ее связи с наукой. — СПб. : Университетская книга, 2000.
- Галисон П., Дастон Л.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотова. — М. : Новое Литературное Обозрение, 2018.
- Герович В.* Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. — 2011. — Т. 75, № 1. — С. 508–527.
- Дрисколл К., Палок-Берже К.* В поиске недостающих историй сетей / пер. с англ. Л. Юлдашева // Неприкосновенный запас. — 2020. — Т. 138, № 2. — С. 55–71.
- Жэнгра Л.* Социология науки / пер. с фр. С. Гашкова. — М. : ИД ВШЭ, 2020.

- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Колозариди П. В.* Интернет-исследования : исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. — 2020. — Т. 30, № 3. — С. 69–92.
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова, В. Поруса, А. Никифорова. — М. : Прогресс, 2020.
- Миллис Ч. Р.* Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко. — М. : Стратегия, 1998.
- Мол А.* Множественное тело. Онтология в медицинской практике / пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. — Пермь : Hyle Press, 2018.
- Полани М.* Личностное знание / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. — М. : Прогресс, 1985.
- Рассел М.* История западной философии / пер. с англ. В. Целищева. — М. : АСТ, 2016.
- Рыков Ю., Нагорный О.* Область Интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 366–394.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Классическое наследие. — М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. А. Никифорова. — М. : АСТ, 2007.
- Abbate J.* What and Where is the Internet? (Re)Defining Internet Histories // Internet Histories. — 2017. — Vol. 1, no. 1/2. — P. 8–14.
- Benkler Y.* The Wealth of Networks : How Social Production Transforms Markets and Freedom. — London : Yale University Press, 2008.
- boyd d.* Did Media Literacy Backfire? // Journal of Applied Youth Studies. — 2017. — Vol. 1, no. 4. — P. 83–89.
- boyd d., Crawford K.* Critical Questions for Big Data : Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication & Society. — 2012. — Vol. 15, no. 5. — P. 662–679.
- Braidotti R.* A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities // Theory, Culture & Society. — 2019. — Vol. 36, no. 6. — P. 31–61.
- Corner J.* Origins and Transformations : Histories of Communication Study // Media, Culture & Society. — 2019. — Vol. 41, no. 5. — P. 727–737.
- Digital Confidential : The Secrets of Studying Online Behavior / ed. by E. Hargittai, C. Sandvig. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2020.
- Ellison N. B., boyd d.* Sociality Through Social Network Sites // The Oxford Handbook of Internet Studies / ed. by W. H. Dutton. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — P. 151–172.
- Ess C. M., Dutton W. H.* Internet Studies : Perspectives on a Rapidly Developing Field // New Media & Society. — 2013. — Vol. 15, no. 5. — P. 633–643.
- Gajjala R.* An Interrupted Postcolonial/Feminist Cyberethnography : Complicity and Resistance in the “Cyberfield” // Feminist Media Studies. — 2002. — Vol. 2, no. 2. — P. 177–193.

- Garton L., Haythornthwaite C., Wellman B.* Studying Online Social Networks // Journal of Computer-Mediated Communication. — 1997. — Vol. 3, no. 1.
- Hacking I.* How Should We Do the History of Statistics? // The Foucault Effect : Studies in Governmentality: With Two Lectures by and an Interview With Michel Foucault / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. — Chicago : University of Chicago Press, 1991. — P. 181–196.
- Haight T., Russell A. L., Dutton W. H.* Histories of the Internet : Introducing a Special Issue of Information & Culture // Information & Culture. — 2015. — Vol. 50, no. 2. — P. 143–159.
- Hampton K., Wellman B.* Neighboring in Netville : How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburbe // City & Community. — 2003. — Vol. 2, no. 4. — P. 277–311.
- Holmes F. L.* Scientific Writing and Scientific Discovery // Isis. — 1987. — Vol. 78, no. 2. — P. 220–235.
- International Handbook of Internet Research / ed. by J. Hunsinger, L. Klastrup, M. Allen. — Dordrecht : Springer Science & Business Media, 2010.
- Jasanoff S.* Ordering Knowledge, Ordering Society // States of Knowledge : The Co-production of Science and Social Order. — 2004. — P. 13–45.
- Laughy D.* Key Themes in Media Theory. — Berkshire : McGraw-Hill Education, 2007.
- Lauren C., Derin T.* Systematic Review : Where is Current Research on Conversational Analysis? // ELSYA : Journal of English Language Studies. — 2020. — Vol. 2, no. 2. — P. 48–53.
- Livingstone S.* Critical Debates in Internet Studies : Reflections on an Emerging Field / London: LSE Research Online. — 2005. — URL: <http://eprints.lse.ac.uk/1011> (visited on June 26, 2022).
- Lykke N.* This Discipline Which Is Not One : Feminist Studies as a Post-Discipline. Theories and Methodologies in Postgraduate Feminist Research: Researching Differently. — New York : Routledge, 2011.
- Madianou M., Miller D.* Polymedia : Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication // International Journal of Cultural Studies. — 2013. — Vol. 16, no. 2. — P. 169–187.
- Mailland J., Driscoll K.* Minitel : Welcome to the Internet. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2017.
- Markham A. N.* Disciplining the Future : A Critical Organizational Analysis of Internet Studies // The Information Society. — 2005. — Vol. 21, no. 4. — P. 257–267.
- Marwick A. E., d. boyd d.* I Tweet Honestly, I Tweet Passionately : Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience // New Media & Society. — 2011. — Vol. 13, no. 1. — P. 114–133.
- McCulloch G.* “Disciplines Contributing to Education?” Educational Studies and the Disciplines // British Journal of Educational Studies. — 2002. — Vol. 50, no. 1. — P. 100–119.

- Medina E.* Cybernetic Revolutionaries : Technology and Politics in Allende's Chile. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2011.
- Meyer E. T., Schroeder R., Cows J.* The Net as a Knowledge Machine : How The Internet Became Embedded in Research // *New Media & Society*. — 2016. — Vol. 18, no. 7. — P. 1159–1189.
- Miller D.* Stuff. — Cambridge : Polity Press, 2010.
- Miller D.* How the World Changed Social Media. — London : UCL Press, 2016.
- Miller D.* A Theory of a Theory of the Smartphone // *International Journal of Cultural Studies*. — 2021. — P. 860–877.
- Miller D., Horst H. A.* The Digital and the Human : A Prospectus for Digital Anthropology // *Digital Anthropology* / ed. by H. Knox, H. Geismar. — London, New York : Routledge, 2020. — P. 3–35.
- Monteil L., Romero A.* From Disciplines to “Studies”. Knowledge, Trajectories, Policies // *Revue d'anthropologie Des Connaissances*. — 2017. — Vol. 11, no. 11.
- Rainie H., Wellman B.* Networked : The New Social Operating System. — Cambridge, MA, London : MIT Press, 2012.
- Selwyn N.* What is Digital Sociology? — Cambridge : John Wiley & Sons, 2019.
- Song H., Eberl J. M., Eisele O.* Less Fragmented than We Thought? Toward Clarification of a Subdisciplinary Linkage in Communication Science, 2010–2019 // *Journal of Communication*. — 2020. — Vol. 70, no. 3. — P. 310–334.
- The Algorithmic Society : Technology, Power, and Knowledge* / ed. by M. Schuilenburg, R. Peeters. — London, New York : Routledge, 2020.
- The Handbook of Internet Studies* / ed. by M. Consalvo, C. Ess. — Chichester, West Sussex : John Wiley & Sons, 2011.
- The Literary Structure of Scientific Argument : Historical Studies* / ed. by P. Dear. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011.
- The Oxford Handbook of Internet Studies* / ed. by W.H. Dutton. — Oxford : Oxford University Press, 2013.
- Theories of the Information Society* / ed. by F. Webster. — London, New York : Routledge, 2014.
- Tsatsou P.* Internet Studies : Past, Present and Future Directions. — London, New York : Routledge, 2016.
- Van Dijck J.* Datafication, Dataism and Dataveillance : Big Data between Scientific Paradigm and Ideology // *Surveillance & Society*. — 2014. — Vol. 12, no. 2. — P. 197–208.
- Waisbord D.* Communication : A Post-Discipline. — Cambridge : John Wiley & Sons, 2019.
- Wellman B.* The Three Ages of Internet Studies : Ten, Five and Zero Years Ago // *New Media & Society*. — 2004. — Vol. 6, no. 1. — P. 123–129.
- Wellman B., Rainie L.* If Romeo and Juliet Had Mobile Phones // *Mobile Media & Communication*. — 2013. — Vol. 1, no. 1. — P. 166–171.

Kolozaridi, P., and L. Yuldashev. 2022. “Kanon internet-issledovaniy [Researching Internet Studies Canon]: soobshchestvo bez distsipliny [The Community Without a Discipline]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 81–113.

POLINA KOLOZARIDI

PHD IN SOCIOLOGY, ASSISTANT PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA)

COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;

ORCID: 0000-0001-5213-0235

LEONID YULDASHEV

INTERNET HISTORIES RESEARCHER (MOSCOW, RUSSIA)

COORDINATOR OF THE CLUB FOR THE INTERNET AND SOCIETY ENTHUSIASTS;

ORCID: 0000-0002-3709-4720

RESEARCHING INTERNET STUDIES CANON

THE COMMUNITY WITHOUT A DISCIPLINE

Submitted: Apr. 12, 2022. Reviewed: May 07, 2022. Accepted: May 30, 2022.

Abstract: The article focuses on how the notion of canon enables the description of a research field. The authors outline the problem of studying studies, i. e., research fields that are not classical disciplines. Because of the interdisciplinary nature of the knowledge produced in studies, it does not form the corpus of classical texts, basically considered classics, but a set of authors and texts that influence the development of discussions and the choice of directions of theoretical and practical research. In order to map key approaches and explore intellectual foundations, we propose the canon as a term. It can be understood as a set of authors' actions, relations, and circumstances (like institutions) that result in texts and concepts accepted in a particular research field. Moreover, vice versa, the texts and concepts circulate in the organizations and influence them. The canon makes it possible to map the boundaries of an interdisciplinary field, distinguishing it from others and, at the same time, from the disciplines it inherits. The authors draw attention to the traditional approaches used to describe research fields: sociology of knowledge, self-descriptions of the field, and an appeal to the way research is carried out in a particular field. The second part of the paper attempts to reconstruct three histories of scholars significant in Internet Studies, clarifying the discussions in which they participated and demonstrating how the canon in internet studies was formed. Institutional factors and the theoretical resources contribute here to understanding the boundaries of Internet Studies. The analysis of canon authors thus makes it possible to separate internet studies from the other fields, such as digital humanities or digital economics. The canon turns out to be a kind of infrastructure, directing internet studies researchers to some subjects and making it more challenging to address others.

Keywords: Canon, Classics, Internet Studies, Social Sciences, Disciplines, Internet.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-81-113.

REFERENCES

Abbate, J. 2017. “What and Where is the Internet? (Re)Defining Internet Histories.” *Internet Histories* 1 (1/2): 8–14.

- Benkler, Y. 2008. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. London: Yale University Press.
- Bloom, H. 2017. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen [The Western Canon. The Books and School of the Ages]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Kharitonov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- boyd, d. 2017. "Did Media Literacy Backfire?" *Journal of Applied Youth Studies* 1 (4): 83–89.
- . 2020. *Vse slozhno. Zhizn' podrostkov v sotsial'nykh setyakh [It's Complicated. The Social Lives of Networked Teens]* [in Russian]. Trans. from the English by Yu. Kapturevskiy. Moskva [Moscow]: ID NIU VSh-E.
- boyd, d., and K. Crawford. 2012. "Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon." *Information, Communication & Society* 15 (5): 662–679.
- Braidotti, R. 2019. "A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities." *Theory, Culture & Society* 36 (6): 31–61.
- Consalvo, M., and C. Ess, eds. 2011. *The Handbook of Internet Studies*. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons.
- Corner, J. 2019. "Origins and Transformations: Histories of Communication Study." *Media, Culture & Society* 41 (5): 727–737.
- Dear, P., ed. 2011. *The Literary Structure of Scientific Argument: Historical Studies*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Driscoll, K., and C. Paloque-Berges. 2020. "V poiske nedostayushchikh istoriy setey [Searching for Missing 'Net Histories']" [in Russian], trans. from the English by L. Yuldashev. *Neprikosnovennyy zapas [An Inviolable Reserve]* 138 (2): 55–71.
- Dutton, W. H., ed. 2013. *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press.
- Ellison, N. B., and d. boyd. 2013. "Sociality Through Social Network Sites." In Dutton 2013, 151–172.
- Ess, C. M., and W. H. Dutton. 2013. "Internet Studies: Perspectives on a Rapidly Developing Field." *New Media & Society* 15 (5): 633–643.
- Feyerabend, P. 2007. *Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Nikiforov. Moskva [Moscow]: AST.
- Gaydenko, P. P. 2000. *Istoriya grecheskoy filosofii v yeye svyazi s naukoy [The History of Greek Philosophy in Its Connection with Science]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Universitet-skaya kniga.
- Gajjala, R. 2002. "An Interrupted Postcolonial/Feminist Cyberethnography: Complicity and Resistance in the 'Cyberfield'." *Feminist Media Studies* 2 (2): 177–193.
- Galison, P., and L. Daston. 2018. *Ob'yektivnost' [Objectivity]* [in Russian]. Trans. from the English by T. Varkhotov. Moskva [Moscow]: Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Garton, L., C. Haythornthwaite, and B. Wellman. 1997. "Studying Online Social Networks." *Journal of Computer-Mediated Communication* 3 (1).
- Gerovich, V. 2011. "Inter-Net! Pochemu v Sovet-skom Soyuze ne byla sozdana obshchenatsional'naya komp'yuternaya set' [Internet-No! Why Wasn't a Aationwide Computer Network Created in the Soviet Union]" [in Russian]. *Neprikosnovennyy zapas [An Inviolable Reserve]* 75 (1): 508–527.
- Gingras, Y. 2020. *Sotsiologiya nauki [Sociologie des sciences]* [in Russian]. Trans. from the French by S. [Gashkov, S.] Gashkova. Moskva [Moscow]: ID VSh-E.
- Hacking, I. 1991. "How Should We Do the History of Statistics?" In *The Foucault Effect : Studies in Governmentality: With Two Lectures by and an Interview With Michel*

- Foucault*, ed. by G. Burchell, C. Gordon, and P. Miller, 181–196. Chicago: University of Chicago Press.
- Haigh, T., A. L. Russell, and W. H. Dutton. 2015. “Histories of the Internet: Introducing a Special Issue of Information & Culture.” *Information & Culture* 50 (2): 143–159.
- Hampton, K., and B. Wellman. 2003. “Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburbe.” *City & Community* 2 (4): 277–311.
- Hargittai, E., and Ch. Sandvig, eds. 2020. *Digital Confidential: The Secrets of Studying Online Behavior*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Holmes, F. L. 1987. “Scientific Writing and Scientific Discovery.” *Isis* 78 (2): 220–235.
- Hunsinger, J., L. Klastруп, and M. Allen, eds. 2010. *International Handbook of Internet Research*. Dordrecht: Springer Science & Business Media.
- Jasanoff, S. 2004. “Ordering Knowledge, Ordering Society.” *States of Knowledge: The Co-production of Science and Social Order*: 13–45.
- Kolozaridi, P. V. 2020. “Internet-issledovaniya [Internet Research]: istoricheskiy obzor i analiz proizvodstva znaniya [Historical Overview and Analysis of Knowledge Production]” [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 30 (3): 69–92.
- Kuhn, T. 2020. *Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Naletov, V. Porus, and A. Nikiforov. Moskva [Moscow]: Progress.
- Laughey, D. 2007. *Key Themes in Media Theory*. Berkshire: McGraw-Hill Education.
- Lauren, C., and T. Derin. 2020. “Systematic Review: Where is Current Research on Conversational Analysis?” *ELSYA: Journal of English Language Studies* 2 (2): 48–53.
- Livingstone, S. 2005. “Critical Debates in Internet Studies: Reflections on an Emerging Field.” London: LSE Research Online. Accessed June 26, 2022. <http://eprints.lse.ac.uk/1011>.
- Lykke, N. 2011. *This Discipline Which Is Not One: Feminist Studies as a Post-Discipline. Theories and Methodologies in Postgraduate Feminist Research: Researching Differently*. New York: Routledge.
- Madianou, M., and D. Miller. 2013. “Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication.” *International Journal of Cultural Studies* 16 (2): 169–187.
- Mailland, J., and K. Driscoll. 2017. *Minitel: Welcome to the Internet*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Markham, A. N. 2005. “Disciplining the Future: A Critical Organizational Analysis of Internet Studies.” *The Information Society* 21 (4): 257–267.
- Marwick, A. E., and d. boyd d. 2011. “I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience.” *New Media & Society* 13 (1): 114–133.
- McCulloch, G. 2002. “‘Disciplines Contributing to Education?’ Educational Studies and the Disciplines.” *British Journal of Educational Studies* 50 (1): 100–119.
- Medina, E. 2011. *Cybernetic Revolutionaries: Technology and Politics in Allende’s Chile*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Meyer, E. T., R. Schroeder, and J. Cowsls. 2016. “The Net as a Knowledge Machine: How The Internet Became Embedded in Research.” *New Media & Society* 18 (7): 1159–1189.
- Miller, D. 2010. *Stuff*. Cambridge: Polity Press.
- . 2016. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.
- . 2021. “A Theory of a Theory of the Smartphone.” *International Journal of Cultural Studies*: 860–877.
- Miller, D., and H. A. Horst. 2020. “The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology.” In *Digital Anthropology*, ed. by H. Knox and H. Geismar, 3–35. London, New York: Routledge.

- Mills, C. R. 1998. *Sotsiologicheskoye vobrazheniye [The Sociological Imagination]* [in Russian]. Trans. from the English by O. A. [Oberemko, O. A.] Oberemko. Moskva [Moscow]: Strategiya.
- Monteil, L., and A. Romerio. 2017. "From Disciplines to 'Studies'. Knowledge, Trajectories, Policies." *Revue d'anthropologie Des Connaissances* 11 (11).
- Polanyi, M. 1985. *Lichnostnoye znaniye [Personal Knowledge]* [in Russian]. Trans. from the English by M. B. Gnedovskiy. Moskva [Moscow]: Progress.
- Rainie, H., and B. Wellman. 2012. *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA and London: MIT Press.
- Russell, B. 2016. *Istoriya zapadnoy filosofii [History Of Western Philosophy]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Tselishchev. Moskva [Moscow]: AST.
- Rykov, Yu., and O. Nagornyy. 2017. "Oblast' Internet-issledovaniy v sotsial'nykh nauках [Internet Studies in Social Sciences]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 16 (3): 366–394.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletayev, eds. 2009. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znaniy [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2010. *Klassicheskoye naslediyе [Classical Heritage]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: GU-VSh.E.
- Schuilenburg, M., and R. Peeters, eds. 2020. *The Algorithmic Society: Technology, Power, and Knowledge*. London, New York: Routledge.
- Selwyn, N. 2019. *What is Digital Sociology?*. Cambridge: John Wiley & Sons.
- Song, H., J. M. Eberl, and O. Eisele. 2020. "Less Fragmented than We Thought? Toward Clarification of a Subdisciplinary Linkage in Communication Science, 2010–2019." *Journal of Communication* 70 (3): 310–334.
- Tsatsou, P. 2016. *Internet Studies: Past, Present and Future Directions*. London and New York: Routledge.
- Van Dijck, J. 2014. "Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology." *Surveillance & Society* 12 (2): 197–208.
- Waisbord, D. 2019. *Communication: A Post-Discipline*. Cambridge: John Wiley & Sons.
- Webster, F., ed. 2014. *Theories of the Information Society*. London and New York: Routledge.
- Wellman, B. 2004. "The Three Ages of Internet Studies: Ten, Five and Zero Years Ago." *New Media & Society* 6 (1): 123–129.
- Wellman, B., and L. Rainie. 2013. "If Romeo and Juliet Had Mobile Phones." *Mobile Media & Communication* 1 (1): 166–171.